

МАРИЯ СЕМЁНОВА
АННА ГУРОВА

АРАТТА

Книга 2
ЗАТМЕНИЕ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Пролог
АЙХА НА ПОЛЗУЧИХ ГОРАХ

Мамонт обвил хоботом невысокий кустик у самой земли, выдернул его с корнем и метко закинул за спину. Девушка поймала его и уткнулась лицом в мелкие лиловые соцветия, кистями украшающие мягкие ветки.

— Я уже не плачу, братец. Но мне очень грустно. Ты добрый и хороший.

Зверь согласно мотнул головой и протрубил, чтобы разогнать давящую тишину. Он не понимал, зачем его названной сестре эти цветы, если она их не ест, но чувствовал, что они дают ей утешение.

Путь, которым Айха и ее мамонт возвращались в родные края, обоим был хорошо знаком. Одна из тех неизменных троп, которыми люди Ползучих гор ходили из века в век, следуя за стадами быков, оленей и носорогов. Тем же путем вдоль реки уходили в низинные земли проводники охотников и наемные погонщики. Каждый камень тут был памятен Айхе с детства, и это хоть немного успокаивало ее. Мохначи никогда не кочуют поодиночке — а они с мамонтом были одни-одинешеньки. А с тех пор как под горами завелись огромные черви-землееды, ходить и вообще стало опасно.

— Как здесь пусто, братец, как тоскливо, — пожаловалась девушка своему побратиму. — Звери ушли, и люди ушли. Хоть бы чей-то голос услышать!

Айхо фыркал и мотал хоботом, соглашаясь с ней. Он был тех же лет, что она, и тоже никуда не ходил прежде без сородичей.

Когда они вышли к знакомой реке, Айха немного приободрилась. Быстрая полноводная речушка, шумная и обжигающе холодная, бежала между тусклых пологих сопок по равнине, поросшей березовым стлаником. Она текла с полуночи на полдень, как и все реки на Ползучих горах. Девушка знала, что все они берут начало на белых вершинах гор, в земле долгой ночи и вечного льда, где обитают лишь аары и духи зверей. Туда же отправляются мертвые, чтобы встретить свою новую судьбу и родиться заново. Но Айха — не шаманка и не великий охотник, чтобы бросать вызов духам в их земле. Она просто хочет догнать свое племя — и ждать там Хасту...

«Айха, почему ты мало улыбаешься?» — услышала она вопрос побратима.

Девушка подняла голову, отвлекаясь от дум.

— Потому что мне грустно, братец. Но ты не тревожься. Это как когда охотники уходят на дальние плоскогорья добывать косматых быков и все племя беспокоится о них и зовет домой. Не так, как если охотники вернулись, а твой муж или брат — нет...

Голос девушки дрогнул. Побратим бережно погладил ее хоботом по волосам — и не представить, что этим же хоботом он мог бы легко зашвырнуть ее на ближайшую сопку, если бы обезумел.

— Раньше-то я как думала? — заговорила Айха. — Так, как все девушки. Однажды встречу его и сразу пойму — вот он, лучший из молодых охотников! Он так красив — в мягкой одежде из пятнистой шкуры Прыгающего Сверху, на груди — бусы из его страшных клыков. У него волосы радостно золотятся, как первое теплое весеннее солнце. Его копье не ведает промаха, и он самый умелый целитель. Он — свирепый вождь в набеге на чужаков, надежный защитник детям и старикам своего рода в самую жестокую зиму. Со своим мамонтом они ближе, чем кровные братья, и готовы положить жизнь друг за друга...

Айха ненадолго задумалась, вспоминая последние дни своего путешествия с охотниками.

— Таким бы мог быть Аورانг. Он бы вырос вождем, если бы его ребенком не забрали и не искалечили люди Аратты. Они отняли у него род, имя, предков и память, они лишили его Огня Глаз и даже брата-мамонта! Они забрали все! А он и не понимает этого и считает, что очень хорошо живет у них. И еще сам пытался учить нас жить, как они, — когда тут впору броситься в ледяную трещину...

Она повздыхала над горькой судьбой Аورانга. Айхо кивнул и вздохнул вместе с ней, потому что понимал ее, как никто другой. Как можно вообще жить на Ползучих горах без побратима?!

— Мог ли ты подумать, что Айха выберет не охотника, а шамана? — Девушка вновь обратилась мыслями к тому, кто поймал ее душу, будто силками. — Как это страшно и чудесно! Все матери твердят дочкам: хочешь в жизни счастья — не бери в мужья ни шамана, ни его сына, ни внука, ни племянника! Никто не знает, когда его призовут духи. Шаман — не вполне человек, им владеют аары, а не ты. Каждый миг они могут навсегда забрать его у тебя... Но я ничего не боюсь! Ведь это Хаста...

И Айха снова погрузилась в свои мечты. То покачиваясь в вышине на холке мамонта, то неумоимо шагая рядом с ним, девушка представляла, как она встретит обожаемого ею араттского шамана на пороге своей котты, усадит его на шкуру подле очага, сама сядет рядом и назовет его своим мужем. От этих мыслей веснушки еще ярче проступали на ее бледных щеках, а обветренные губы растягивались в широкой улыбке. И белый мамонт радовался за нее. Лишь бы сестра была счастлива!

— Эй, эй, хватит! — время от времени одергивала себя Айха. — Недаром говорят: будешь на охоте мечтать о брачных утехах — или зверь уйдет, или лыжи сломаются. Вперед, Айхо, скорее домой!

К закату вдруг подул ветер с полуночи, и начало быстро холодать. В остывающем воздухе снова разлилось некое предчувствие скорой перемены. Айха выбрала место повыше и посуше, с привычной ловкостью устроила ночлег — нарвала сухой травы и веток, разожгла костер,

бросила несколько комков сушеного мяса в подвешенное над углями кожаное ведро с водой... Мохначиха была крайне неприхотлива, но однообразная дорожная пища успела поднадоесть даже ей. Поглядев в сторону речки, Айха вспомнила, как Ха́ста ловил руками рыбу в ручье. Ах, если бы он был тут...

Солнце ушло за горы, и с темнеющего неба вдруг полетели, вспыхивая в отблесках костра, редкие снежинки. Первый снег! Айха обрадовалась невесть чему. А вот ее побратима, наоборот, что-то беспокоило. Девушка поняла это по его дыханию и пристальному взгляду, который он упорно обращал куда-то за реку, в сторону гряды низких сопок, хотя в темноте почти не видел. Она прислушалась и принялась, но за кругом света не было заметно ни звука, ни движения.

— Айхо, не бойся, — ласково сказала она. — Там никого нет. Это просто ветер.

Она подкинула веток в огонь, поглядела на кучу хвоста, чтобы убедиться, что ее хватит до утра. Не маловата ли куча? Ветки быстро прогорают...

Айхо переступал с ноги на ногу, фыркал, мотал головой и крутил хоботом.

— Перестань! Думаешь, мне не страшно? — хмурясь, проговорила Айха.

Она могла бы говорить с ним мысленно — побратим услышал бы ее. Но молодому мамонту хотелось слышать звук ее голоса, и она это тоже знала.

— Не тревожься, братец. Ты должен быть силен и спокоен. Ведь ты — хранитель моей души, а я твоей. Если мы не будем хранить друг друга, как мы доберемся до дому? — Айха подбросила в огонь сухую березовую ветку. — Хочешь, я расскажу тебе, как охотник искал солнце? Однажды, в самые первые времена, солнце закатилось и больше не вставало. Наступила долгая ночь. Люди очень испугались. И вот один охотник, самый смелый, сказал: я пойду в землю духов и найду солнце! Долго он шел во тьме на лыжах через снежные горы. Вдруг глядь — впереди яркий огонь. Подходит и видит большую котту, кры-

тую шкурами небесных оленей. А в нем в очаге вместо огня — солнце сияет! А возле очага сидит женщина-мамонтиха и греется. Она была очень красивая, вся с ног до головы покрытая мягкой длинной шерстью, с белоснежными бивнями. Увидел ее охотник и говорит: «Отдай мне солнце!» — «А как же я буду греться?» — спрашивает она. «Я буду тебя греть!» — ответил охотник. И он остался у нее и взял ее в жены...

Айха призадумалась и некоторое время сидела, опустив подбородок на руки, глядя в костер и улыбаясь.

— Слышишь, Айхо? Мы с тобой кровные родичи, ведь тот охотник был наш общий предок! — тряхнув головой, продолжала она. — А знаешь, что было потом? Охотник жил с мамонтихой счастливо в тепле и сытости, но со временем заскучал. Он все время думал о своем племени и тосковал по нему. И тогда он встал однажды ночью, пока его жена спала, древком копыя выкатил из очага солнце... Что там?

Айхо опять смотрел в темноту.

— Там кто-то есть, — произнесла Айха, быстро протягивая руку к копыю и уже не спрашивая, а утверждая.

Теперь она и сама в этом не сомневалась. Кто-то смотрел из темноты на мамонта. И взгляд этот... Нет, он не был враждебным. Разве враждебно смотрят на долгожданную сытную трапезу?

«Да, я тут. Мне нужно живое мясо», — услышала она.

Держа копые, Айха встала и низким, рычащим голосом начала говорить тому, кто смотрел на ее побратима алчущим взглядом:

— Пошел вон! Ищи еду в другом месте!

Она вложила в голос всю свирепость и угрожающе подняла копые.

Тот, кто смотрел из мрака, не сразу, но послушался. Ощущение голодного взгляда пропало. Айха так и не разглядела, кто это был, а его запах ветер сносил в другую сторону.

— Враг ушел, — сказала она, опуская копые. — Слышишь, Айхо? Я прогнала его.

Но мамонт так и простоял всю ночь в полудреме, настороженно развесив уши в сторону реки.

Айха проснулась на рассвете оттого, что у нее замерз кончик носа. Над сопками разливалось сияние, повсюду искрились застывшие капли воды. Распадок был покрыт слепящим белым снегом, который вскоре превратился в хрусткую ледяную корку. Когда солнце поднялось высоко, стало теплее, и корка растаяла. Но прежде чем она исчезла, Айха нашла следы на замерзшем снегу. Это были следы Прыгающего Сверху — зверя, которого охотники Аратты называли саблезубцем.

Тропа вела дальше в сопки, забиралась все выше. Река понемногу мелела, превращаясь в ручей, скачущий среди валунов и скал. Айха уже не мурлыкала себе под нос песни и не предавалась мечтам о Хасте. Всякий раз, как сопки сближались и тропа оказывалась зажата в ущелье, девушка стискивала в руке копьё, вглядывалась в нависающие скалы, прислушиваясь и принохиваясь. Она не сомневалась, что саблезубец их преследует. Или — саблезубцы?

Этот вопрос очень беспокоил ее. Одиночка или стая? Она чувствовала присутствие по крайней мере одного зверя. У саблезубцев все не как у людей. Человеческий род держится вокруг матери, а саблезубец обычно живет один. Но в плохие, голодные годы к нему порой присоединяются родичи — сыновья или младшие братья, которые пока не настолько сильны, чтобы бросить ему вызов. Тогда они охотятся стаей, и встретить их — беда. К счастью, такое бывает редко. У Прыгающего Сверху такой свирепый нрав, что он не выносит рядом с собой никого, кто ему не повинуется, и сам никому покоряться не желает.

Следы были огромные, отпечатки передних лап — больше задних. Однако других следов Айха не нашла. Стало быть, это самец-одиночка и он заприметил себе Айхо. Молодой мамонт, отставший от стада, — желанная добыча для матерого зверя. Приглядевшись к следам, она

заметила еще кое-что. Отпечаток одной из лап был слабее прочих. Значит, зверь берег ее, старался не наступать. Это немного обнадежило Айху. С раненым зверем справиться легче. Ясно теперь, почему он не ушел вместе с прочими. Но как же он, должно быть, голоден!

Преследователь шел за ними весь день, обходя то с одной стороны, то с другой, но ни разу не показался. Когда начало вечереть, Айхе стало очень тревожно. Она вообще перестала мечтать, как заживет с Хастой, и только вздрагивала от каждого шороха или порыва ветра. От постоянного ожидания нападения мохначка очень устала, но угроза никуда не делась, наоборот — все возрастала. Саблезубец как будто молча давил ей в спину тяжелым взглядом.

— Этот зверь очень ловкий охотник, Айхо. Он следит за нами весь день, но сам ни разу не показался, — сказала она побратиму, положив копые поперек коленей и отчаянно зевая. Ее клонило в сон, но спать было нельзя. — Он идет так, чтобы ветер сносил его запах. Ох, братец, смотри не подпускай его близко!

Следующей ночью, уже под утро, они его наконец увидели. Первым саблезубца заметил мамонт — громко всхрапнув, он попятился, едва не угодив задом в костер. Дремавшая вполглаза Айха вскочила на ноги, схватив копые. Прыгающий Сверху, прихрамывая, медленно вышел из-за торчавшей поодаль скалы и остановился, не сводя глаз с мохнатой горы мяса перед собой. Взгляд его был совершенно неподвижен, а нижняя челюсть подрагивала от алчности. Это был уже стареющий, но все еще могучий зверь, с широкой грудью и огромными желтоватыми клыками. Видно было, что девушки он не особенно опасается, хоть и не упускает из виду ее копыя. Саблезубцы сторонились людей, потому что не понимали их. Люди то и дело придумывали против них что-то новое и опасное.

Айха изо всех сил стиснула древко. Она могла бы метнуть его в зверя и, скорее всего, попала бы, но сомневалась, что сможет нанести ему смертельную рану.

— Уходи, старик! — хрипло крикнула Айха, делая решительный шаг и поднимая копые. — Я тебе его не отдам! Брат моей матери убил пятерых твоих родичей! Видишь это копые? Я воткну его тебе в брюхо!

Прыгающий Сверху скользнул по ней досадливым взглядом, чуть припал на передние лапы, опуская к земле голову, но не сводя глаз с мамонта, и начал медленно приближаться. Айху обожгло то ли страхом, то ли отчаянием. Этот зверь, даже раненый, чудовищно силен. Если он кинется на побратима, ей не остановить его...

— Может, я и не убью тебя, но искалечить сумею, — яростно заговорила она, отгоняя душевную слабость. — И куда ты дальше денешься? Будешь подыхать с голоду в сопках?

Саблезубец остановился, повернулся к ней и оскалился.

«Уходи, пока жива! Не мешай охотиться!»

Айха смотрела на его страшные клыки, подобные двум длинным костяным ножам, и ей хотелось плакать.

— Ждешь, когда я ослабну, да? Я из-за тебя не сплю уже вторую ночь. А когда я усну, нападешь?

«Не плачь, — запретила она себе. — Он того и хочет! Чтобы я злилась, начала метаться, бросилась в бегство... Стоять и ждать! А когда он кинется — шаг вперед, упасть на колено и ударить снизу в живот!»

Что хищник рано или поздно бросится, Айха уже не сомневалась. Она знала, как охотятся саблезубцы. Он может очень долго бродить вокруг да около, держась в безопасности и выжидая тот самый миг для единственного броска. Один точный удар клыками — а дальше можно отскочить и просто ждать, пока жертва истечет кровью.

Мамонт задрал хобот к сереющим небесам и громко затрубил, призывая сородичей. Но, кроме них с Айхой и клыкастого хищника, выбирающего миг для броска, в округе никого не было. Мамонту было очень страшно. Айха чувствовала это. Этот страх пытался достучаться до ее сердца, но она помнила с детства: как только дрогнешь,

хищник непременно прыгнет. «Надо напасть самой, — решила вдруг она. — Ни один зверь не любит, когда добыча сама начинает на него охотиться!»

Айха сузила глаза в едва заметные щелки, с шумом выдохнула, прыгнула вперед и сделала выпад копьём. Она видела, как напряженно и резко подрагивает куцей хвост саблезубца. Зверь отскочил на полшага, оскалился ей в лицо и зарычал.

«Сейчас», — подумала Айха и с силой ткнула копьём в распахнутую пасть. Бронзовый наконечник, выменянный у охотников, лязгнул, скользнул по чему-то твердому, явно не причинив саблезубцу особого вреда. Но тот вдруг обиженно взревел, отскочил за камни и будто растворился в предутреннем тумане.

«Он успел захлопнуть пасть. — Айха разочарованно проводила взглядом саблезубца и опустила копьё. — Но все же я попала!»

Она наклонилась к земле — в сухой, уже пожухлой траве лежал окровавленный кривой зуб. Вот это да! От радости погонщица начала приплясывать на месте.

— Я его ранила и прогнала! — закричала она.

«Я возьму это с собой, повешу на шею, и когда Хаста придет — покажу ему! Конечно же, после такого он станет мне мужем, может, даже и не на одно время трав!»

Она вдруг подумала — а если саблезубец вернется?

Но вокруг не было слышно ни звука. Девушка повернулась к своему побратиму.

— Видел? Он убежал! — радостно сообщила она. — Айха — сильная! Айха — храбрая! Айха будет хорошей женой!

Белый мамонт благодарно кивал и, выставив вперед согнутую ногу, предлагал ей взобраться ему на спину и продолжить путь.

— Айха победила саблезубца! — приплясывая, закричала девушка, и, обняв хобот своего любимца, прильнула к нему щекой. — Пойдем! Нам нужно спешить. Дома уже заждались!

Утром в разрывах серых туч проглянуло солнце, делая Ползучие горы не столь унылыми, какими они виделись перед рассветом. Словно желая вознаградить Айху за смелость, дневное светило начало ласково пригревать. Очень скоро покачивающаяся на спине мамонта девушка разморенно прикрыла глаза и, покрепче схватившись за длинную шерсть на загривке своего побратима, уткнулась в нее лицом. Пребывая то ли в сладкой дремоте, то ли в мечтаниях о том дне, когда огневолосый Хаста обнимет ее и совершит то, о чем ей рассказывали мать и бабушка, Айха уже будто воочию видела, как все будет происходить, и улыбалась во сне.

Мамонт, послушный ее беззвучному приказу, шел неспешно, чтобы не трясти свою спасительницу. Она вдруг почувствовала, даже не успев это осознать, что Айхо замедлил шаг. Его тревога сразу передалась девушке. Она ощущала опасность, но не могла понять откуда.

— Что случилось? — спросила она, открывая глаза.

«Плохая земля, — отозвался побратим. — Под нами нет дна. А сверху...»

И в тот же миг мощная пятнистая туша с яростным ревом рухнула с уступа скалы, под которой они как раз остановились. Ударила плечом, сшибая девушку с холки мамонта. Айха взмахнула руками, но так и не успела поймать равновесие и с криком ужаса полетела наземь.

Саблезубец, напавший из засады, уже был на земле и готовился к следующему прыжку. Он невероятно широко распахнул пасть, чтобы ударить клыками мамонтову ногу под коленом — и отскочить, давая мохнатому великану упасть и больше не встать. Раскинув беспомощно руки, Айха падала, казалось, прямо на него. Ей казалось, что она уже чувствует спиной прикосновение клыков — но тут уютный надежный хобот подхватил ее в воздухе, высоко поднял и бережно поставил на тот самый уступ, с которого миг назад прыгнул саблезубец.

Все произошло так быстро, что Айха и понять толком ничего не успела. Удар, полет, рывок — и она уже стоит

на скале, а у ее ног внизу белый мамонт жметя к скале и угрожающе размахивает хоботом, пытаясь не подпустить к себе голодного хищника. А тот кружится, стараясь зайти сбоку, отскакивает, рычит, готовясь вогнать клыки в сопротивляющуюся добычу.

— Уходи, уходи! Прочь!

Айха оглянулась, схватила лежащий поблизости увесистый камень и швырнула его вниз, стараясь попасть в саблезубца. Тот увернулся, но за первым камнем последовал еще один и еще...

Вдруг скала, мгновение назад казавшаяся нерушимой, с долгим ужасающим грохотом поползла вниз, заваливая обратную дорогу.

Воздух потемнел от каменной пыли. Перепуганный саблезубец нелепо мявкнул и опрометью помчался прочь от этого злого места. Айха вновь запрыгала, радостно выкрикивая обидные прозвища для удирающего хищника.

Но внезапно замерла — ей почудилось, что рядом с ней кто-то есть.

Сквозь затихающий грохот осыпи, будто родник, пробивалась долгая, чистая, переливчатая трель.

Все волоски на коже Айхи встали дыбом.

Каменная пыль понемногу оседала, и вскоре мохначка разглядела на краю осыпи девочку-лесовичку. Ее сложно было не узнать — такие огненные волосы, похожие на пылающий костер, Айха в своей жизни встречала только у двух человек....

Девочка из леса стояла на камне, держа в руках большую, сделанную из полой кости дудку, и озиралась по сторонам. И все бы ничего, но за ее спиной, словно сами по себе, шевелились черные перепончатые крылья...

— Сгинь, нехороший дух! — испуганно вскрикнула Айха.

Услышав голос сестрицы, и без того встревоженный мамонт взревел и резко взмахнул хоботом, выбивая дудочку из призрачных, будто слепленных из тумана, пальцев рыжеволосого духа.

АРАТТА

В тот же миг будто бы еще кто-то вмешался в их схватку. Небо внезапно словно заволокло черной тучей. Налетел, завыл ветер. Снова дрогнула земля. Воздух наполнился рокотом, покатались камни, поползла из-под ног земля... Испуганно затрубил Айхо, призывая названую сестру. Но мохначка не могла шевельнуться. Она вжалась в скалу и зажмурилась, мысленно призывая ааров своего рода себе на помощь.

Когда все утихло, Айха открыла глаза. Вокруг оседала пыль. Осталась груда камней, завалившая тропу, — и никаких следов девочки с черными крыльями.

Часть 1

ОПУСТЕВШИЙ ТРОН

Глава 1

ЯРОСТЬ ТАРЭН

— Смотрите! — закричал Аюр, указывая вдаль. — Вон там, за лесом, — видите, вспыхивает, словно звезда? Это же сияет купол главного храма Исвархи в Верхнем городе!

Дорога, которая с самого утра петляла среди перелесков и созревших полей, к полудню поднялась на высокий холм. С его голой, продуваемой ветром вершины открывался простор, на котором словно столкнулись в битве лес и степь. Справа до края земли, куда только падал взгляд, желтели травы; их пересекала нитка утоптанной дороги, по которой отряду предстояло ехать дальше. По левую руку на полночь уходил бескрайний хвойный лес.

Эта чащоба, длинным мысом врезавшаяся в поля, была самой южной оконечностью огромного лесного предела, который включал весь север Аратты и звался Бьярмой. Как будто огромный косматый зверь вытянул в сторону солнца зеленую лапу. Среди темной и мрачной зелени сосен, елей и лиственниц, словно вспышки пламени, золотились березы и багровели клены. В голубом небе, громоздясь, медленно плыли белые горы-облака. Когда они закрывали солнце, золотая искра в туманной дали за лесом исчезала. Когда солнце выходило — вспыхивала снова.

— Похоже, ты прав, — подтвердил Ширам, телохранитель царевича, а с недавних пор и его друг, ехавший с ним бок о бок.

— Неужели дом и впрямь так близок?

Аюр засмеялся от счастья.

Ширам неожиданно тепло улыбнулся подопечному. В душе он чувствовал почти то же, что и царевич. Наконец-то все позади! Охота Силы, пусть и омраченная гибелью почти всех ее участников, все же завершена. Пусть даже они возвращаются без славы и добычи... Но главное, царевич жив и здоров. Да и Аюр, изрядно повзрослевший в походе, уже больше не тот надменный и своевольный мальчишка, который покинул отцовский дом. Сейчас он гарцевал на буланом жеребце поблизости от накха, не скрывая обуревавшей его радости. Ширам старался сдерживать своего коня, чтобы не оказаться впереди наследника престола.

— Я расскажу отцу о том, сколько раз ты спасал меня! О том, как ты жертвовал ради меня жизнью на Змеином Языке и являл отвагу, равной которой не сыскать даже в легендах!

Ширам молча улыбался, слушая его слова. Они звучали искренне. Но из головы накха все же не шел давешний разговор с Аورانгом. Почти семь десятков человек покинули столицу, отправляясь с царевичем на охоту, — а возвращаются лишь трое... «Виноват ли я в этом? И что должен испытывать? — раздумывал он. — Но что и почему? Все сгинувшие в походе воины сами избрали свою судьбу. Смерть их была достойной мужчин...»

Получив от государя обещанную награду за сохранение жизни наследника, Ширам собирался непременно попросить его выделить отряд, чтобы вернуться и отомстить коварным ингри за подлую измену. Он вдруг припомнил чучело убитого на охоте чудовища. Сейчас бы оно не помешало... Но, увы, осталось в захваченном лесовиками лагере. Кстати, там тоже погибли люди, вспомнилось Шираму. Всякие слуги, брадобреи, повара... За них он тоже отомстит. Почему ж не отомстить?

— Хаста, — он развернулся в седле к едущему чуть в стороне жрецу, — весь поход ты вел записи...